

·Что имеем, не храним.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николаевский Староторжский монастырь

До революции Галич, как и многие города России, был городом богомольным. В городе и уезде действовали 133 церкви и столько же часовен, при которых состоял обширный клир – 259 церковно- и священнослужителей (для сравнения: в то же время в уезде на 17 учебных заведений разного типа насчитывалось не более 160 учителей). Существовало 2 монастыря – Успенский Паисиев и Николаевский Староторжский. О последнем и пойдёт речь в наших очерках. Основным источником нам послужит описание монастыря, составленное В. Орловым на основе документов монастырского архива и опубликованное в Москве в 1913 году.

I. История обители

...СВОЁ начало Николаевский монастырь берёт в XV веке.

1450 год положил конец феодальной войне. Войско московского великого князя изгнало из Галича мятежного Дмитрия Шемяку, и крепость, возведённая последним галичским князем на неприступном Балчуге, запустела. Новая крепость, отвечавшая последнему слову военной науки того времени, была выстроена западнее – туда и переместился центр городской жизни. Под охраной крепости возникло и новое торжище. А старый торг, раскинувшийся на берегу озера у подножия Балчуга, стал далёкой, городской окраиной. Сюда и пришёл преподобный Иаков – ученик игумена Успенского монастыря Паисия. Здесь, в разрушенном доме, построил он первую келью будущего монастыря. Да видно не пустым было то место: может быть, сохранилась на старом торгу часовенка во имя святителя Николая, почитавшегося покровителем купечества. В его честь и получил монастырь своё имя.

Время почти стёрло биографию основателя обители. Лишь один поступок крепко запомнился современникам: во время страшного пожара, охватившего Паисиев монастырь, Иаков выбил бревном церковные двери и вынес из охваченной пламенем церкви главную святыню Галича – чудотворный образ Богоматери Овиновской. После этого преподобный покинул Паисия и поселился у старого торгового двора. Скорее всего, это произошло до

1467 года, когда новой крепости Галича пришлось выдержать набег казанцев. И ещё один случай запомнили современники: Иаков, пользовавшийся уже огромным авторитетом не только среди иноков, но и галичан, отказался от погребения в основанной им обители и завещал похоронить себя на кладбище в устроенной близ монастыря богадельне, подобно нищему без рода и племени. Этот пример смирения в то время был расценен как одна из высоких ступеней духовного подвига — а потому и крепко остался в памяти.

К XVII веку Иаков уже почитался в обители как святой: от этого времени сохранилась рукописная служба преподобному, существовало и два его иконописных образа, где основатель монастыря был запечатлён в схиме (высшая ступень монашеского подвига) по подобию своего современника Зосимы, игумена Соловецкого монастыря в 1452–1478 годах, который с 1547 года почитался как общерусский святой. Конечно, иконописное сходство было не внешним — оно раскрывало внутренний мир человека. Преподобный Зосима являлся основателем иноческого общежития на Соловках, проявив себя в крайне суровых условиях жизни Севера не только твёрдым в вере аскетом, но и умелым организатором монашеской жизни и монастырского хозяйства, сумевшим соединить религиозное рвение с упорным трудом на благо обители. Не эти ли черты характера преподобного напоминали инокам Николаевского монастыря и об основателе их обители? Мощи Иакова покоились «под спудом» в алтаре церкви Бориса и Глеба, а день памяти его был установлен 4 апреля (старого стиля) — видимо по совпадению с днём смерти преподобного. Удалось зафиксировать и отдельные исцеления больных, совершавшиеся при его могиле.

Однако эта канонизация была местной — культ святого не выходил за стены основанной им обители. Да и то — почитание было неофициальным: для прославления Иакова в качестве святого, помимо необходимых по церковным правилам мощей, службы и засвидетельствованных чудотворений при гробе, не хватало главного: жития. Именно поэтому монахам пришлось выдержать борьбу за право прославления преподобного. В 1770 году почитание преподобного было официально запрещено, а церковь Бориса и Глеба, «под спудом» которой находились мощи основателя обители, разобрана. Лишь во второй половине XIX века, благодаря настойчивости игумений, почитание святого было возобновлено и выстроена новая церковь — преподобного Исаака Далматинского, в день памяти которого — 30 мая (старого стиля) стала совершаться и память преподобного Иакова. В настоящее время Иаков Галичский почитается как общерусский святой, хотя официальной канонизации так и не последовало.

До начала XVII века источники хранят полное молчание о Староторжском монастыре. Известно, что в 1609 году он разделил судьбу города, будучи сожжён и разграблен карательным отрядом поляков. Даже четверть века спустя Галич не смог залечить раны, нанесённой первой в истории России гражданской войной. И если в 1635 году сам город ещё чувствовался запустевшим и обезлюдившим, то что говорить о монастыре, в котором горстка монахов, ютившихся в полуразрушенных кельях, была вынуждена вести богослужения по ветхим рукописям и на чудом уцелевших медных и оловянных сосудах? В 1622 году, правда, обители были пожалованы две пустоши – то есть земли, на которых некогда стояли деревни, стерты с лица земли в тяжкую годину Смутного времени. Конечно, поднять эти земли собственными силами было легче, чем осваивать новые, но таких возможностей у монахов, видимо, не имелось.

Монастырь так и не смог оправиться от бедности и разорения. В 1688 году, когда многие захудалые монастыри или закрывались или преобразовывались, дошёл черёд и до Николаевской обители. По указу царя Алексея Михайловича мужской монастырь был преобразован в женский. Поводом для этого послужила челобитная женщин, содержавшихся в богадельне при церкви Богоявления в Галиче: за оскудением обители иноков они просили перевести их на то место. Просьба эта была удовлетворена, и на содержание монахиням выделили средства из доходов галичских таможен.

Но о новой жизни монастыря документы вновь молчат – вплоть до начала XVIII века. В 1725 году здесь содержалось 20 монахинь, но дела обители были расстроены Северной войной. Да и позднее монастырь с трудом выкарабкивался из бедности. В 1737 году за ним числилось 95 душ крепостных (для сравнения: в это же время Паисиев монастырь владел 2,5 тысячами крестьян), да ещё 50 душ прибавилось после слияния с упразднённым Зачатьевским монастырём что располагался в районе современной площади Калинина. Однако крестьяне не были полной собственностью обители: ими распорядился архимандрит Паисиева монастыря. После указа Екатерины II о секуляризации церковных земель, изданного в 1764 году все монастырские земли и крепостные отошли в казну, а монастырю назначили содержание от государства согласно установленному штату: 1 игуменя, 1 казначея, 15 монахинь. Но долгие годы действительный штат не превышал 5–7 человек.

Сам монастырь превратили в исправительное учреждение, куда на время ссылались лица, совершившие преступления, за которые по различным причинам не могла быть назначена уголовная ответственность. Помещицы ссылались за изуверское обращение с крепостными (показатель-

но: одна из них «по сильному на неё подозрению в засечении людей до смерти», то есть за преступления, оказавшиеся недоказанными, была заточена в монастырь навечно), крестьянки – по недоказанным подозрениям в убийстве мужей, солдатки – за распутное поведение. Иных приговаривали за укрытие беглых крестьян, за принадлежность к расколу, сектам и прочие подобные преступления. Показательны два факта. Первый – сравнительная гуманность принципов наказания, стремившихся вызвать в человеке добровольное покаяние в содеянном, ведущее к нравственному очищению. Второй же факт касается знаменитого «наказания за недонесение», вокруг которого столь яростно ломаются копыя современных публицистов. Столь изощренная причина наказания – не изобретение мрачных 30-х годов, встречалось оно и в дореволюционной юридической практике Правда, недонесение каралось отнюдь не тюремный заключением, но годами покаяния в монастыре. Осуждённым за это людям находилось место и в Николаевском монастыре.

Разумеется, не всё было столь идеально и зачастую просто не давало реального результата: иным удавалось бежать из монастырских стен, да и игуменья Николаевского монастыря не раз жаловались, что направленные на исправление преступницы подают дурные примеры монахиням.

XIX век является порой расцвета монастыря. Именно в это время строятся его главные сооружения, растёт численность монахинь, находятся богатые жертвователи в Москве и Петербурге.

О количестве монахинь в обители и об их социальном происхождении даёт представление таблица:

Год	И з н и х							
	Общая численность монашествующих	Дворян	Духовного звания	Чинovníчье-го сословия-	Купеческого сословия-	Мещан	Крестьян	
1818	26	8	4	-	3-	11	11	
1847	33	-	2	2	2	11	14	
1861	38	2	6	2	3	13	12	
1871	60	1	7	7	-	13	32	
1900	16	Данные	отсутствуют					
1908	23	Данные	отсутствуют					

Легко заметить, что основной контингент монашествующих в Николаевском монастыре составляли крестьянки, особенно после реформы 1861 года, И уходили крестьянки в монастырь: одни – из-за несложившейся

личной жизни, другие – от беспросветной бедности, третьи – пытаюсь найти, как подчеркивал В. Марков, «искреннюю религиозность, разумную трудовую жизнь, равенство и братство»– извечные идеалы русского крестьянина.

К началу нашего столетия Николаевский монастырь стал крупнейшей обителью в Галиче. В нём находилось 16 монахинь и 79 послушниц, котрым принадлежало 110 десятин земли. Для сравнения: в это же время в Паисиевом монастыре было всего 6 монахов и 10 послушников, распорядившихся 78 десятинами земли.

Конечно, число монашествующих в Староторжской обители было тогда неизмеримо меньшим, чем, скажем, в первое десятилетие после Великой реформы 1861 года. Тому множество причин, но мимо одной пройти нельзя. К 1996 году экономический потенциал России благодаря реформам Сергея Юльевича Витте неизмеримо возрос. За считанные годы казавшаяся отсталой страна вышла на мировой уровень развития. Вырос и жизненный уровень населения: на заработную плату в 400 рублей в год, например, квалифицированный рабочий вполне мог содержать семью из трёх человек. Большие надежды, окрылившие многих, не располагали к уходу из мирской жизни. Но в том-то, видимо, и сказались гнетущие противоречия России, что за спасением в Староторжский монастырь люди потянулись после бурных событий 1905–1907 годов. И это неудивительно: позорная русско-японская война, первая революция, завершившаяся, как казалось многим, торжеством реакции, наконец, аграрное законодательство Петра Аркадьевича Столыпина, разрушившее традиционную структуру русской деревни...

И повсюду – смятение и неуверенность.

2. МОНАСТЫРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В НАЧАЛЕ нашего столетия монастырь являл маленький образец «общинной» экономики (если мы будем буквально переводить термин «социалистический»), при которой система коллективного хозяйствования, несмотря на кажущуюся рациональность, давала эффект, близкий к нулевому и могла развиваться только за счёт притекающих извне дополнительных дотаций. В идеале монашеская община, отгороженная крепкой стеной от внешнего мира – это имеющее коллективного собственника замкнутое (то есть ориентированное само на себя) хозяйство, расходы которого равны доходам, или, по крайней мере, меньше их. Всё благосостояние обители при этом зиждется на добровольном труде принявших монаше-

ский обет.

Нельзя сказать, что инокини Николаевского монастыря сидели без дела – но над их деятельностью постоянно довлел идеологический фактор, поскольку всякий труд рассматривался как служение Богу, естественно, не нуждавшееся в материальном поощрении. Теоретически все монахини были равны друг другу, и принцип равенства в труде реализовывался тем, что каждая выполняла определённого рода послушание. Одни были певчими, другие пекли просфоры и хлеб, заведовали аптекой и больницей, ухаживали за скотом, вели документацию, занимались вышивкой и пр. Однако характер такого послушания зависел от благочестия и религиозного рвения: чем больше был опыт монашеской жизни, тем почётнее являлось послушание, и неудивительно, что управлением обителью ведали умудрённые иноческой жизнью монахини, прошедшие в постах и молитвах не один десяток лет. На плечи молодых ложились самые тяжёлые и грязные работы, что не казалось им удивительным: недавние крестьянки, они с молоком матери впитали привычку к физическому труду и не считали его зорным.

Почти все участвовали в сельскохозяйственных работах – а на принадлежащих монастырю землях располагались 2 огорода. 2 усадьбы, 2 пустоши и пасека на 45 ульев. Лишь на время посевной и жатвы, когда требовался мужской труд, обычно нанимались батраки: монастырь, охотно принимавший крестьянок, привык рассчитывать на собственные силы.

Всё это и должно было составлять натурально-хозяйственный базис монастыря, обеспечивавший монахинь как коллективных собственниц монастырского имущества и результатов собственного труда всем необходимым (выращенной капусте, например, хватало не только для себя, но и для раздачи кормившимся при монастыре нищим, а часть даже шла на продажу). Ежегодные доходы от хозяйственной деятельности Николаевской обители можно оценить примерно в 4,5–5 тысяч рублей. Это – проценты от капитала из вкладов и пожертвований, доходы от продажи свечей и просфор, сдаваемых в аренду подвальных помещений, пустошей и мельницы на реке Едомше. Другие виды хозяйственной (в особенности финансовой) деятельности, связанные с развитием предпринимательства, строго порицались выработанными веками правилами монашеского общежития. На содержание инокинь, церковно- и священнослужителей казна выплачивала более 300 рублей ежегодно.

Возникает закономерный вопрос – много или мало, следует ли нам вслед за официозными атеистами считать эти доходы баснословными, притекающими в монастырскую копилку в результате нещадной эксплуа-

тации монашествующими тунеядцами трудового люда, одурманенного религиозными суевериями? По существу, доход Староторжской обители (в перерасчёте на среднегодовую заработную плату квалифицированного рабочего начала века) мог обеспечить содержание около 40 человек. Но в том-то и дело, что помимо небольшого количества монахинь, при монастыре всегда было значительным число послушниц, готовящихся принять постриг – так что общее число спасающихся в монастыре к 1913 году В. Марков определял в 150 человек. Поэтому неудивительно, что этих денег монастырю не хватало для того, чтобы свести концы с концами: почти половину доходов съедали покупка дров и ржаной муки, но ещё больших средств требовали строительство новых и ремонт старых зданий. Обители удавалось держаться «на плаву» только за счёт делавшихся верующими вкладов, жесточайшей экономии к упорного труда монахинь, покрывавшего потребности в продуктах питания – наиболее дешёвых в Российской империи.

Впрочем, подобно богатым прихожанам и простым богомольцам, монастырь и сам занимался благотворительством, также требовавшим больших расходов. В 1840 году здесь впервые были приняты на воспитание девочки-сироты, принадлежавшие к дворянскому и духовному сословиям. Так было положено начато училищу при монастыре, в котором ежегодно призревало до 15–20 сирот, получавших начальное образование, а по выходе из училища – и средства к самостоятельной жизни. Предметы, преподававшиеся здесь, вполне соответствовали программе церковно-приходских школ: русский и церковнославянский языки, чистописание. Священная история. Катехизис, арифметика, рукоделие, домоводство, по сокращённой программе преподавались география, а также отечественная и зарубежная история. Большинство предметов велось монахинями, лишь для некоторых, требовавших специальных знаний, приглашались учителя.

Часть средств для воспитания сирот выделял Синод – 45 рублей на каждую ежегодно, что было не такой уж маленькой суммой: на содержание одной воспитанницы привилегированного Смольного института, например, казна затрачивала 60 рублей в год. Для уездного же города, в котором на 6 тысяч жителей приходилось всего 5 начальных школ, где основной контингент составляли дети «низших» сословий, это, конечно, была большая помощь. И тут впору заметить, что монастырская система хозяйствований в очень большой степени была ориентирована на человека и его нужды. И если паломничества в монастыре приносили верующим удовлетворение духовных потребностей, то монастырская благотворитель-

ность удовлетворяла, по мере возможности, и его материальные нужды.

Училище просуществовала до 1905 года и было закрыто в связи с устройством Епархиального училища в Костроме, принявшего на себя заботу о сиротах в губернии. Но благотворительная деятельность монастыря не завершилась: через два года здесь был организован сиротский приют. На собственные (и, как мы видели весьма ограниченные) средства монастырь содержал 10 – 12 воспитанниц, давал им начальное образование и обеспечивал всем необходимым. Некоторые из них так и оставались в обители навсегда, пополняя число монашествующих.

Таким и вошёл Николаевский Староторжский монастырь в эпоху революционных преобразований, круто изменивших весь уклад жизни в России.

Как бы нам ни хотелось, но Троицкий собор, возведённый в стиле позднего классицизма, не принадлежит к шедеврам архитектуры в общепринятом смысле этого слова. Прообразом храма, как нам кажется, явился один из рисунков в специально издававшихся альбомах архитектурных образцов, рекомендуемых к строительству в губернских и уездных городах, но к моменту освящения собора это был вчерашний день русской архитектуры.

Лишённое украшений, почти кубическое здание храма; окружённое колонными портиками, стоящими на низком цоколе, строгие дорические капители колонн и возносящийся ввысь мощный купол яйцевидной формы – в обрамлении четырёх, более мелких, скорее напоминающих декоративные беседки – всё это роднит Троицкий собор с монументальными храмами столичных городов, возводимых во второй четверти XIX века, непревзойдённым среди которых остаётся Исаакиевский собор в Петербурге (архитектор Август Августович Монферран [Огюст Рикар де Монферран], 1818-1856 гг.). Можно назвать и близкие ему по архитектуре и духу соборы, возведённые в это же время в Москве – церковь Богоявления в Елохове (арх. Евграф Дмитриевич Тюрин, 1837-1845 гг.) и Большого Вознесения у Никитских ворот (архитектор Афанасий Григорьевич Григорьев, 1820-е гг.), связанные с именем Александра Сергеевича Пушкина: в первой он был окрещён, во второй – состоялось его венчание с Натальей Николаевной Гончаровой. Стиль классицизма, напоминавший современникам о высоком патриотизме, о гражданском долге, о личной ответственности каждого перед народом и государством, был теснейшим образом связан с новыми идеями, родившимися в русском обществе после победы в Отечественной войне 1812 года и потому наиболее приемлем в гражданской ар-

хитектуре.

Вполне естественно, что проникнутые гражданственностью идеи классицизма не могли быть в полной мере восприняты архитектурой церковной, видевшей в храме модель Вселенной, проекцию Дома Божьего на земле.

Единственная идея, воплощённая во многих русских храмах позднего классицизма, поражающих величием и монументальностью форм, – это создание подобия храма св. Петра в Риме (главного и крупнейшего храма католической церкви, созданного по проекту гениального Микеланджело), окружённого традиционным русским пятиглавием, – перекликается со сложившейся в эпоху Ивана Грозного теорией о Москве как «третьем Риме», духовном центре Православия. Из этого тупика церковную архитектуру вывело обращение к лучшим образцам древнерусского и византийского храмового зодчества, также наметившееся во второй четверти XIX века и в первую очередь связанное с именем архитектора Константина Андреевича Тона и его главным творением, возродившим древние традиции церковной архитектуры – храмом Христа Спасителя в Москве (1837-1883 гг.). Эти же искания характерны и для Троицкого собора Николаевского Староторжского монастыря в Галиче.

Попробуем, исходя из этих наблюдений, поставить вопрос о значении этого собора несколько иначе: можно ли вообще считать памятником архитектуры? На этот вопрос необходимо ответить утвердительно – памятник архитектуры – это не только выдающийся, неповторимый шедевр, служащий источником новых форм и идей, но и типичный памятник эпохи, каковым и является Троицкий собор Николаевского монастыря в Галиче. Впрочем, весьма относительно в данном случае и понятие неповторимости: равных этому собору по величине и сейчас нет во всей Костромской области. Но даже и это утверждение будет выглядеть по меньшей мере, искусственно, если мы не привяжем данный храм (а в целом – архитектурный ансамбль монастыря) к окружающей его обстановке, точнее, если не покажем его градостроительную роль – ведь недавние исследования советских архитекторов развеяли миф о хаотичности застройки древнерусских городов, об отсутствии у архитекторов прошлых веков концепции градостроительства.

Для Галича роль Троицкого собора необычайно велика. Собор и надвратная колокольня, сооружённая в начале XX века (её строительством завершилось формирование архитектурного ансамбля Николаевского монастыря) – важнейшие вертикальные оси, придавшие градостроительной

структуре Галича логическую завершенность. По сути дела эти высотные сооружения находились на одной линии с другой важнейшей вертикальной доминантой, на которую ранее была ориентирована застройка городского центра и, прежде всего, главная улица города – современная улица Свободы – колокольной Паисиева монастыря.

И, таким образом, Троицкий собор не только архитектурно оформлял въезд в Галич со стороны Рыбной слободы–древнего посада, но и замыкал городскую планировку в едином ансамбле – и со стороны центра, и со стороны посада. Этот эффект достигался не только тем, что массивный собор доминировал над одно- и двухэтажными домишками, но и тем, что дорога около монастыря делала крутой поворот, так что для человека, входившего в Галич, казалось, будто низенькие жилища, стекаясь с хол-мистых мест, равняются на собор. Для человека же, находившегося на центральной площади Галича, представлялось, что громадный купол собора, парящий над посадом, является его центром, вокруг которого как бы концентрическими кругами располагаются дома. А ориентация собора на Паисиев монастырь как бы ставила последнюю точку в городской застройке.

Вместе с тем, вторая линия связывала высотные постройки Николаевского монастыря с Умиленским монастырём, стоявшим на противоположном берегу озера – и в данном случае образовывалась ещё одна вертикальная доминанта, включавшая берега озера в градостроительную структуру. Так что для тех, кто переплывал через озеро, Троицкий собор и надвратная колокольня становились необходимым ориентиром, а их белизна приятно контрастировала с утопавшими в зелени крутыми склонами холмов, отступавших монастырь и прижимавших город к самой береговой кромке. Одним словом, после того, как строительные работы в Николаевском монастыре подошли к концу, Галич получил важнейший архитектурный ансамбль, игравший первостепенную роль в структуре города. И надо только поражаться, уменью, такту и чувству прекрасного – увы! – неизвестных нам мастеров, сумевших столь органично вписать монастырские постройки в окружающий ландшафт, что их утрата до сих пор остаётся зияющей раной на теле древнего города.

3. ЭРА РАВНОДУШИЯ

НИКОЛАЕВСКИЙ монастырь благополучно пережил революционные бури и невзгоды гражданской войны. Имущество его было национализировано (в бывшей монастырской гостинице, например, 28 октября

1918 года была открыта радиостанция), а по декрету Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных имуществах», принятому в 1918 году и провозгласившему отделение церкви от государства и школы от церкви, монастырь, лишился права на воспитание сирот. Собственно говоря, данный декрет (и это признают сами богословы) теоретически означал идеальные условия для развития церкви, предоставляя ей все возможности для выполнения своих непосредственных функций, гарантируя от вмешательства государства во внутрицерковные дела.

На практике всё выглядело иначе. Атеистическая пропаганда обернулась глумлением над чувствами миллионов верующих, а борьба с религией обратилась в настоящий погром церкви и церковной архитектуры. Вот что писала галичская газета в октябре 1938 года: «Галичские попы упорно боролись против социалистического строительства. Особенно яростной эта борьба была в период сплошной коллективизации... Этим поповским вылазкам трудящиеся Галичского района дали должный отпор». Думается, в этих словах нет и десятой доли правды – и всё же именно они дали достойный предлог для погрома. «Должный отпор» заключался в массовом закрытии «очагов мракобесия», скомпрометировавших себя перед Советской властью одним лишь фактом своего существования.

Многие из них если и не были историко-архитектурными памятниками, то все же являлись памятниками культуры и труда предков тех трудящихся, которые с садистским остервенением, уродовали закрытые храмы, переоборудуя их под пекарни, инкубаторы.. метеорологические станции, клубы, дома отдыха, а то и просто равняли их с землёй, разбивая на их месте зелёные скверики, непременно украшенные изваяниями «девушки с веслом» и иными «шедеврами» садово-парковой скульптуры сталинской эпохи. Наступала эра исторического и культурного беспамятства.

Николаевский монастырь вступил в эту эру в 1936 году, когда он был упразднён как культовое учреждение, а весь комплекс его построек передан детскому дому. Преемственность традиций? Но кто осознавал тогда эту преемственность? «Граждане нашей страны навсегда избавились от преследований невежественных попов» – провозглашала галичская газета.

Но «невежественные попы» всё же были рачительными хозяевами. Новые же хозяева не смогли разумно распорядиться свалившейся на них собственностью и начали с разрушений, если не сказать прямо: с кровавой мести недавнему прошлому. В Николаевском монастыре исчезла надвратная колокольня, снесены до основания церковь Бориса и Глеба, монастырское кладбище с часовней. Основательно изувечен Троицкий собор: он ли-

шился креста, четырёх глав, а его алтарная часть – святая святых храма! – подверглась страшному надругательству. От храма её отгородили бетонной стеной, выломали престол и устроили электрическую подстанцию. Кануло в безвестность монастырское имущество: архив, иконы, хранившиеся в ризнице ценности, библиотека. Наверное, такого разгрома монастырь не испытывал даже во времена польско-шведской интервенции – ведь интервенты XVII века были мародерами «безыдейными», старавшимися заполнить пустые карманы краденым имуществом, то современное мародерство осуществлялось во имя святых целей «светлого будущего» всего человечества.

Впрочем, разрушения продолжались и в более поздней время – в 60-е годы, когда детский дом был упразднён, а монастырские постройки передали под учебные корпуса и общежитие Галичскому педагогическому училищу, тогда с лица земли были сметены монастырские конюшни и большая часть ограды. И самое печальное, пожалуй, состоит в том. Что этот необузданный вандализм воспринимался и воспринимается, как привычный порядок вещей, в котором нет ничего необычного, а более того – и предосудительного. «...развалена в прах тысячелетняя цивилизация, – писал известный социолог Игорь Бестужев-Лада, – на её руинах распускается содомский чертополох, а впереди маячат чащобы похлеще. И всё это происходит в условиях реализованной утопии казарменного социализма, напрочь искалечившего и пока что продолжающего калечить психику, мораль, интеллект едва ли не каждого из нас».

Что же происходит с Николаевским монастырем сегодня? Первое впечатление, что он не имеет хозяина и попросту брошен на произвол судьбы, должно быть, в тайной надежде, что безжалостное время когда-нибудь завершит дело борьбы с «гнездилищем культа», начатое почти шесть десятилетий назад. Правда, в монастырском дворе ещё сохранились следы былого уюта: семьи, проживающие в бывших кельях, поддерживают чистоту и порядок. Но главная постройка монастыря – Троицкий собор – являет поистине жалкое зрелище: словно обезглавленный купол со срубленным крестом, покрытый проржавевшим, а местами – и полностью истлевшим железом, исчезнувшая крыша, обшарпанные стены, «украшенные» сверху кудрявыми березками, уцепившимися корнями за разрушенную кирпичную кладку, изуродованная алтарная часть, окна, заколоченные потемневшими досками, сквозь щели которых видны рухнувшие балки перекрытий. Внутренность собора забита непонятным хламом и служит «местом свиданий» для окрестных котов и кошек. К стенам собора

приткнулись и ветхие деревянные сараюшки, и выстроенные на века кирпичные гаражи. Да только кого возмутит эта картина?

Растлевающая душу эпоха беспамятства... Эра равнодушия... Привыкли...

Где выход? На восстановление всего ансамбля монастыря не хватит ни сил, ни средств. Закономерный вопрос: как быть тогда с проживающими в монастыре людьми, которые вряд ли повинны в том, что их жилищный вопрос был решён за счёт уничтожения памятника культуры и которые вряд ли смогут получить благоустроенные квартиры, начнись в монастыре реставрационные работы? Но даже реставрация только Троицкого собора – а для восстановления ансамбля Николаевского монастыря – это задача первостепенной важности – потребует солидных средств. Возвратить собор церкви? Но ей сейчас хватит хлопот с восстановлением возвращённых храмов, получивших не менее тяжкие увечья. И потом – что будет в соборе после того, как он примет первоначальный вид? Филиал музея? Концертный зал? Дом культуры? Какое культурно-просветительное учреждение Галича способно собственными силами обеспечить своё существование в условиях надвигающегося рынка? Конечно, идеальный вариант – восстановить в соборе церковную службу. Но найдётся ли в Галиче, основательно изуродованном атеистической пропагандой, необходимое число верующих, способных содержать этот храм?

У меня нет ответов на поставленные вопросы. На первых порах единственный выход – поиск хозяина, способного произвести косметический ремонт собора и осуществить консервационные работы, способные предотвратить дальнейшее разрушение памятника. И самое главное, что делать это надо немедленно: каждый год наносит собору-инвалиду новые увечья, оборачивающиеся – и материальными, и духовными потерями в будущем. Кто их измерит, эти потери, которые незаметно для себя несём все мы, равнодушно взирая на обещенные храмы?

И второе. Реставрация отдельных памятников не решит всей проблемы. Скорее, это будет извлечение из небытия одних зданий при безмолвной гибели других, может быть, имеющих большую ценность. Нужна целенаправленная программа по восстановлению исторического облика Галича, программа, предусматривающая не саму по себе реставрацию представляющих ценность объектов, но вовлечение этих объектов в культурную и духовную жизнь города. Пусть станет больше действующих храмов, пусть в заброшенные монастыри вернуться монахи, пусть под сводами восстановленных соборов вновь зазвучит старинная музыка. Да мало ли что может быть! В конечном счёте, это необходимо нам самим, чтобы покон-

чить с собственным беспамятством и вернуться к подлинным сокровищам отечественной культуры. «Уважение к прошлому – вот что отличает образованность от дикости», – писал А. С. Пушкин.

Но не забудем и о коммерческой стороне дела. В Галиче, в немалой степени сохранившем своё историческое лицо, немало уникальных памятников культуры, способных привлечь туристов – не только советских, но и из-за рубежа. А ведь это – постоянный приток денежных средств, способных разрешить многие проблемы скудного городского бюджета, в том числе и восстановления и содержания архитектурных памятников.

Давайте же всмотримся в проблему серьезнее. Прекратим жить так, как мы привыкли. Вспомним о своём прошлом, чтобы стать достойными лучшего будущего.